

Василюк Ф.Е.

«ОН СТОИТ КАК БЫ РЯДОМ С ПЕРВОИСТОЧНИКОМ...»

Воспоминания о митрополите Антонии Сурожском

Библиографическая ссылка:

Василюк, Ф.Е. «Он стоит как бы рядом с первоисточником...» [Текст] / Ф.Е.

Василюк // Русская мысль. – 2000. – № 4327. – 20-26 июля.

«ОН СТОИТ КАК БЫ РЯДОМ С ПЕРВОИСТОЧНИКОМ...»

Воспоминания о митрополите Антонии Сурожском

Федор Василюк

Первое впечатление от первой личной встречи с владыкой Антонием - впечатление многолетнего знакомства. Это многие отмечают. Но я почувствовал это уже с первого текста, который прочитал, – впечатление близкого контакта с автором. Это объясняется не просто разговорной формой его текстов (не очень-то, кстати, она разговорная). Не знаю, как объяснить. И тем не менее, первое впечатление от личной встречи превосходит все ожидания, хотя ожидания были такие, которые превзойти уже было, казалось бы, невозможно: я читал записи, смотрел видео, слышал какие-то рассказы о нем... Что же это было такое, что превосходило эти ожидания, не передающиеся через технические средства? На поверхностном уровне – простота и скорость вступления в какой-то очень близкий контакт.

Вот то, чего не увидишь, конечно, никогда в России: на конференции стоит очередь в столовую – и в этой очереди стоит митрополит с подносиком. Даже если по скромности какой-нибудь митрополит, может быть, и захотел бы встать где-нибудь в России в очередь, ясно, что ему бы этого сделать не дали.

Из того же ряда: владыка приехал на конференцию, когда утренняя служба уже шла к концу; и когда все подходили к кресту, он тоже встал в очередь, подошел, поцеловал крест, поцеловал руку священнику... Мне трудно описать всю игру глаз и чувств, когда все это происходило, но видно, что это уже не первый случай, то есть что владыка Василий, который вышел с крестом, уже умеет терпеть; но чувствуется, тем не менее, что каждый раз для него это событие. Я был настолько ошарашен, что не видел, как это восприняли окружающие.

Может быть, важно отметить и другое. В очереди за едой владыка, естественно, не стоял один, думая о еде, а обязательно с кем-то, и участвовал в разговоре, и во время, и после. То есть он занимался другим человеком. И поэтому не так уж принципиально, жует он в это время или не жует.

Еще из непосредственных ощущений: темперамент, страстность речи, страстность присутствия в разговоре у него такая, которую здесь, в России, даже если бы она была, из соображений приличия, стеснительности не всякий мог бы себе позволить. Это какая-то необыкновенная обнаженность. И тут всегда какие-то миллиметры от избыточного пафоса...

Больше всего, пожалуй, меня удивило то, что странно с точки зрения всех законов психологии: человек не отвык удивляться, сохранил способность удивляться каждый раз, и каждый раз свежо и ново, каким-то духовным событиям. Он пересказывает в сотый, в тысячный раз одну и ту же историю, и некоторые из них многим знакомы, а за три дня конференции он пересказывал их в разных контекстах пять-десять раз, и конечно, появлялись новые оттенки, новые повороты, но каждый раз это было отдельное, новое, оригинальное событие. Примерно такое же, как событие литургии, как вообще “праздничное время”. Оно как бы выпадает из обычного времени, и это не есть повтор того, что уже было сказано. Это попадание в ту область чувств, мыслей и событий, в частности Евангелия, где он снова присутствует. Но это присутствие всякий раз – первое. Что же происходит со мной как слушателем? Я начинаю за счет такого рассказа присутствовать с ним *там*. Это совсем не тот случай, когда мы с ним вспоминаем некие истории, которые когда-то случились... И тогда понятен и этот пафос. Потому что Христос *только что* впервые встал перед ним по ту сторону стола – как в рассказе владыки о Встрече...

И никакими законами психологии невозможно объяснить отсутствие привыкания. Существуют законы даже не психологии, а физиологии, например, угашение ориентировочного рефлекса. Когда человек один раз видит новое, у него определенные зоны мозга реагируют на это, и возникает ориентировочный рефлекс; это повторяется во второй раз, в третий, а потом он затихает. Так работают мозги, и никак по-другому они работать не могут. Но в случае с владыкой Антонием возникает ощущение, что здесь этот закон постоянно нарушается, происходит нарушение законов физиологии.

Еще один аспект того общего ощущения, о котором я говорил. Нам очень повезло: в первый день была служба, которую владыка служил и по-английски, и по-русски, и как раз пришлось наблюдать, что одно и то же чувство, одна и та же мысль, сказанные им на двух языках подряд, были двумя отдельными, полноценными каждое само по себе событиями. И взгляд у него в это время, с точки зрения обычной, описательной, был такой, при котором глаза стояли как бы параллельно. Никакой дивергенции глазных яблок не было, но взгляд такой, как будто человек смотрит в бесконечность.

Есть такой особый хулиганский взгляд, бандитский – взгляд утрашения: человек смотрит вам в лицо, но точка, на которую сводится взгляд, намного дальше вас, и он как бы видит вас насквозь. Метафорически можно сказать, что он смотрит сквозь вас. Так тренируют в восточных единоборствах бойцов: помимо всяких криков, они еще должны смотреть на противника именно таким образом, что называется "в упор не видеть". Но в случае агрессивного взгляда человек находит опору в себе: он как бы на себя оперся и смотрит вперед.

Здесь же, когда видишь владыку Антония, впечатление, что взгляд его уходит не только вперед – в бесконечность, но и куда-то туда назад – в бесконечность. Он как будто на сквозном ветру. Здесь действительно зримое присутствие в евангельских событиях. И взгляд в некое потенциальное будущее. И от этого возникает ощущение, что самому носителю взгляда – страшно, что к этому привыкнуть нельзя. Страшно не в смысле боязливости, но это некий ужас предстояния перед чем-то величественным.

Поэтому и голос его такой сильный, но в нем абсолютно нет ни тени пафосности, то есть имитации величественности при ее недостатке. Тут она вполне присутствует. Но в то же время в его рассказах масса необыкновенно милых, почти детских, живых интонаций. Например, когда владыке было семь лет, он с семьей оказался в Австрии, где он пошел в школу. И на первом уроке было задано написать сочинение на тему "Кем бы я хотел стать". Все написали: учителем, врачом, инженером... А он написал, что хотел бы стать обезьяной, потому что был поражен походом в зоопарк. Учитель говорит: я зачитаю сейчас сочинение Андрея Блума; такое сочинение может написать только болван, дикарь, идиот – одним словом, русский. Так начиналась его учеба...

Поскольку в его документах было написано "orthodox", его записывают сначала в иудейский класс. Раввин спрашивает, почему он без головного убора. Он отвечает, что с детства бабушка и мама говорили, что в помещении случайно может оказаться икона или распятие... – "Вон!". Он попадает к католику, который, узнав, что он православный, тоже его выгоняет. И владыка говорит, что на этом его духовное образование закончилось. "И как я рад, что церковь и попы не испортили мне чувство Бога!". С одной стороны, эти рассказы звучат по-детски и живо, но, с другой, это было сказано с неподдельной страстью: как, действительно, было бы страшно, если бы эти наслоения церковного образования закрыли возможность увидеть то, что он увидел по ту сторону стола...

Этот повторяющийся рассказ о Встрече мне кажется неким свидетельством об апостольском ранге рассказчика. Владыка сам подчеркивает, что получил веру *прямо*, не через посредство кого бы то ни было. И страшно было бы, если бы, как он выразился, "попы и церковь" попытались ему дать веру сами. Для меня это объясняет ту потрясающую свободу, которая есть в его текстах; тем более ты видишь, как при тебе

рождается свобода мыслей, решений... Он все время стоит как бы рядом с первоисточником и, соответственно, впервые говорит. И то, что на расстоянии может восприниматься как свободомыслие, как странность, как особая богословская точка зрения, является просто другого рода фактом. После веков и томов, он пребывает в каком-то смысле в начале, как апостол, еще не зная, как надо говорить. И от этого – ощущение свежести, все время воспроизводящейся молодости, потому что уметь так удивляться, иметь такую свежесть взгляда могут только семнадцатилетние юноши.

Лондон–Москва Русская мысль. № 4327. 20-26 июля 2000